

Вырезка из газеты

ВОЛЖСКАЯ
КОММУНА

г. Куйбышев

Газета №3

ТЕАТР

Тридцать пять вечеров

Вот и кончилось театральное лето. В этом году оно было особенно долгим — с мая по сентябрь — и наверно поэтому особенно богатым. Шесть театров подарили куйбышевским зрителям радость знакомства со многими ранее неизвестными пьесами, со многими режиссерскими и актерскими работами, в которых были и острая мысль, и извонанованность, и яркая выразительная форма.

Постоянными поисками нового поразовал нас и коллектив Ташкентского русского драматического театра имени М. Горького. Он завершал программу летних гастролей и это могло поставить театр в невыгодное положение. Если нашим гостям не пришлось жаловаться на равнодушные зрители, то в этом сказались не только уже ставшее доброй традицией гостеприимство куйбышевцев, но и хорошо продуманное многообразие репертуара, и качество спектаклей, которое в конечном счете всегда решает.

Афиша ташкентского театра привлекает уже тем, что в ней находишь Горького и Маяковского, Фейхтвангера и Чаплина, Погодина и Салынского. Уже это сочетание имен гарантирует серьезность намерений театра, видимо, сознательно идущего трудной дорогой поисков. В самом деле, «История пустой души», «Братья Лаутензак», «Огни рамп» не увидишь на другой сцене. Характерно, что именно оригинальные спектакли являются в то же время и наиболее интересными художественно. Значит, в театре умеют и хотят бороться за свое. Вот

это умение и желание дерзать — примечательная черта творческого облика ташкентского театра, ставшая надежным фундаментом его успехов.

Сразу хочется сказать и о том, что коллектив театра в этой борьбе проявляет такие необходимые качества, как самоотверженность и дисциплина. Приятно видеть, как ведущие артисты не чужаются необходимости сыграть эпизодическую роль, а то и просто принять участие в массовой сцене. Без верности этическим принципам Станиславского не создашь такие спектакли, как «История пустой души», «Клоп», «Братья Лаутензак».

Поиск оригинального репертуара отнюдь не привели театр к жажде оригинальничать. Театр не просто ищет неизвестное название, а руководствуется в своем выборе серьезными идейно-художественными критериями и поэтому создает сценические произведения, говорящие о важных и значительных проблемах века. Правда, сегодня удачу театра чаще связаны с пьесами обличительного, сатирического направления, а всем нам хочется увидеть большие спектакли о героическом и красоте и величии его духовного мира. Но известная узость репертуара во многом диктуется состоянием драматургии — во всяком случае коллектива, первым в стране поставившим «Верность» Погодина, доказав, что он стремится к открытиям, а не в решении главной задачи советского искусства.

Конечно, не все в репертуаре ташкентского театра вызывает сочувствие, и об этом необходимо сказать как во имя истины, так и во имя дружбы. Вряд ли слезливую мелодраму «Испорченный ребенок», увенчанную по канонам мешанины вкуса неправдоподобно счастливым концом, можно всерьез считать обличением буржуазии и губительной власти денег. Вряд ли такие пьесы, как «Потерянный сын» или «Чемодан с наклейками», можно всерьез считать произведениями, характеризующими сегодняшний день нашего обще-

ства. Режиссер О. Чернова проявила очень много усилий и выдумки, чтобы наполнить эти спектакли мыслью, приблизить их к жизненной правде, но режиссер не чудотворец, и как бы он ни был одарен, он не в состоянии насытить спектакль тем, что отсутствует в пьесе.

Мы подошли к утверждению еще одного бесспорного достоинства ташкентского театра — у наших гостей интересная, думающая режиссура. Спектакли, поставленные А. Гинзбургом, О. Черновой, В. Иогельсен, Я. Лобачем, говорят о том, что в театре есть единая творческая направленность, успешно создающая органический сплав актуальной гражданской мысли, правды характеров, богатства и многообразия самых различных выразительных средств. На праздничных, хорошо организованных спектаклях ташкентцев, как правило, есть ощущение Театра, именно Театра с большой буквы, как высокого эмоционального зрелища, и это не только не мешает, а наоборот активно способствует восприятию жизненной правды. Достигнуть этого нелегко, но, к счастью, у режиссуры театра есть надежные единомышленники: и художники, и актеры.

Особенно хочется отметить художников И. Вальденберга и Д. Ушакова, создавших оформление «Истории пустой души», «Клопа», «Братья Лаутензак». Они очень изобретательны, их лаконичный язык живописи и впечатляющ. И самое ценное — работа этих художников ни в чем не имеет привкуса назойливости, самоигральности — она точно подчинена идейно-художественному замыслу и настроению спектакля. Вот только в «Черных птицах» они почему-то не захотели пофантазировать, чтобы вечно и зримо передать контрастность первоэвановского и крутойяровского образа жизни, их вкусов, их мировоззрений.

Из актеров, активно способствующих успеху театра, следует прежде всего назвать К. Ефремову, М. Любанского, Е. Яворского, Н. Хачатурова, Р. Ткачука, М. Мансурова, Г. Загурскую, В. Филатову. Пожалуй, именно в творчестве этих актеров наиболее ясно выражаются эстетические устремления театра. Они ищут

органическую правдивость, а не прайдоподобие, они создают человеческие характеры в подлинной сложности их внутренней жизни, они выразительны без ремесленной пафоса, без ложно театральной позы. Благодарный куйбышевский зритель надолго запомнит многие работы этих подлинных мастеров сцены.

Обаятельная К. Ефремова, обрадовавшая нас красивыми и сильными порывами русской души в горьковском спектакле, затем оказалась злобно корректной фашистской аристократкой в «Братьях Лаутензак», умной и волнующей чистой матерью и женой в «Черных птицах».

Печатью настоящего интеллекта отмечены лучшие работы М. Любанского, умеющего заставить зрительный зал вместе с ним думать, вместе с ним решать сложные вопросы жизни.

Е. Яворский, почти не повторяясь, трогательно несет из спектакля в спектакль свою центральную тему — страдания маленького человека, наделенного большой душой, но несчастного, защищенного от жестокостей и несправедливостей буржуазного мира.

С очень интересным характерным актером встретились мы в лице Н. Хачатурова. Жандармский полковник в «Истории пустой души», слуга Рамджи в «Испорченном ребенке», бесноватый фюрер в «Братьях Лаутензак» — в каждой из этих талантливых работ мы видели и точно решенную задачу, и полную естественность сценического поведения.

Сейчас нередко находят скептики, утверждающие, что искусство перевоплощения ушло из современного театра. Творчество таких артистов, как опытный Н. Хачатуров и совсем еще молодой Р. Ткачук, — наглядное опровержение хулителей театра. Р. Ткачука мы видели и в роли торжествующего мешанина Присыпкина, и в роли холеного садиста из гестапо графа Цинздорфа, и в роли несчастного клоуна Кальверо, о котором грустно и лирически рассказал Чаплин. Каждый раз это был иной человек, со своей биографией, со своей манерой жить, думать, говорить, двигаться. Отдельные неудачные штрихи легко забывались, ибо Р. Ткачук энергично заставлял

верить в жизненную достоверность своих очень непохожих героев.

Лучшие работы артистов ташкентского

театра тем и значительны, что они несут большую правду характеров, заставляющую и думать о жизни, и любить достойную любовь, и ненавидеть все то, что мешает еще человеку жить по-человечески.

Мы назвали ведущих актеров театра, но не следует думать, что они одиноко стоят на вершине настоящего искусства, а остальной коллектив живет по каким-то другим законам. В театре отчетливо чувствуется стремление к ансамблевости, к выработке единой творческой манеры. Поэтому и в эпизодических ролях часто встречаются подлинные удачи — так, например, блистали К. Михайлов и П. Дроздов в эпизодах «Истории пустой души». Но мы просто не в состоянии утомлять читателя перечнем исполнителей и действующих лиц.

Важнее сказать о том, что пока еще мешает нашим гостям, а они то ли этого не замечают, то ли уже пригляделись и привыкли.

Очень хорошо, что в ташкентском театре при распределении ролей мало считаются с принципом типичности. Именно погоня за типичностью и приводит к уходу со сценических подмостков высокого искусства перевоплощения, самого важного и самого отрадного свойства театра. Но перевоплощение возможно только в определенных рамках, поставленных хотя бы особенностями человеческой природы. А ташкентцы излишне смело игнорируют даже самое резкое несоответствие в возрасте персонажа и исполнителя роли. Это сказывается во многих спектаклях, лишая их иногда необходимого обаяния молодости. Руководству театра надо всерьез подумать о том, что труппа и особенно ее женский состав должны несколько помолодеть.

Тридцать пять вечеров провели гости в Куйбышеве, щедро отдавая нам свое мастерство и получая взамен не менее щедрое аплодисменты. В этом сказывалась благодарность за то, что ташкентский театр внес определенный вклад в культурную жизнь города, доставил нам истинное эстетическое наслаждение и вызвал искреннее желание сказать расставаясь:

— Прощайте, друзья! Дорога пропотогана. Знакомство состоялось — его интересно продолжать!

Л. ШИРОВ.